

«Большая игра» в Центральной Азии?

Выступление А.Г.Володина, главного научного сотрудника Центра евразийских исследований ИАМП им. Почётного доктора ДА МИД России Н.Е. Бажановой

В конце 1980-х годов на Западе появились статьи авторитетных авторов (в частности А.Г.Франка) о «центральности» тогдашней советской Средней Азии в новом геополитическом устройстве мира. Некоторые страны (Индия, например) опасались распада «светских» институтов и секуляристской государственности в этом регионе вследствие возможной дезинтеграции Советского Союза. «Хрупкая» политическая организация бывших среднеазиатских республик рассматривалась как «естественная мишень» для поднимающихся сил политического ислама. В 1990-е годы основными внешними по отношению к Центральной Азии (ЦА) заинтересованными «игроками» были Россия, Китай, США и (отчасти) Индия. Ныне в ЦА все активнее действует Япония.

Основное внимание правящие круги Страны восходящего солнца уделяют Туркменистану, Казахстану и Узбекистану. Данные государства рассматриваются как важные источники минеральных ресурсов (включая энергоносители) и как потенциальные участники *транспортной революции* в Евразии, с которой Япония связывает свои не только экономические, но и геополитические планы. Активизация деятельности Токио в ЦА видится как органическая часть «нового» внешнеполитического курса кабинета С.Абэ, имеющего целью превращение Страны восходящего солнца в *полноценную* мировую державу. Видимо, неспроста японские аналитики начали дискуссию о желательности обретения их страной «стратегической автономии» в мировом пространстве в свете уменьшающейся способности США выступать в роли «гаранта» мирового порядка, сложившегося после распада Советского Союза.

В пользу тезиса о «стратегической автономии» свидетельствует как оживление интереса Японии к ЦА, так и определенная интенсификация инвестиционной активности ряда компаний на российском Дальнем Востоке. Японские официальные лица в неофициальном порядке все чаще говорят о необходимости присутствия Страны восходящего солнца «на пространстве от Ашхабада до Владивостока».

Политические аналитики отмечают: активное участие в транспортных проектах в Евразии преследуют и прагматические экономические цели, в первую очередь диверсифицировать источники получения энергоносителей в условиях трудностей с «гарантированной безопасностью» доставки нефти и газа по «длинному» маршруту из Персидского залива. Политологи также обращают внимание на сложное сопряжение политической экономики и геополитики в «дипломатии Абэ»: с одной стороны, Япония стремится к рентабельности своих внешнеэкономических проектов, с другой стороны, правящие круги Страны восходящего солнца *стратегически* заинтересованы в укреплении секуляристской государственности и светских режимов в странах ЦА.

Страны ЦА представляются «идеальным» пространством апробации Японией своей новой внешнеполитической концепции. В центральноазиатской «части» новой парадигмы сложно сопрягаются и диалектически взаимодействуют такие факторы, как: 1) непрекращающееся соперничество Токио и Пекина; 2) глубоко доброжелательное отношение к Японии и японцам среди населения стран Центральной Азии; 3) категорическое неприятие Страной восходящего солнца «цветных революций» и иных попыток искусственно изменить «хрупкое» равновесие социально-политических сил в государствах ЦА.

Представляется, что российской дипломатии целесообразно учитывать «новый активизм» Японии в Центральной Азии.